

Реформа Петра Великого в сознании русского общества

Петр Великий: pro et contra
СПб.: РХГИ, 2003. (Русский путь).

Когда французский историк берется решать вопрос об исторических пачатках современной Франции, он не колеблется в выборе исходной точки своих исследований и обращается к изучению Великой Французской революции в твердой уверенности найти именно здесь, на этом глубоком рубеже между двумя последовательными эрами западно-европейской истории, могилу старой и колыбель новой Франции. Для него это -- великий центральный пункт исторического процесса, с которого всего легче бросать как проспективные, так и ретроспективные взгляды на непрерывное течение событий, с которого всего легче поэтому подойти к уразумению и общего хода народной истории в ее целом.

Какую позицию изберет русский историк, задавшись аналогичной целью: исследовать исторические начатки современной России?

Мотивированный ответ на этот вопрос мог бы составить предмет самостоятельного очерка. Но теперь нас интересуют не будущие, а бывшие русские историки. Вопрос, поставленный нами, далеко не нов для русской литературы. Он уже имеет свою весьма поучительную историю.

Долгое время репутация такого центрального пункта пережитого нами исторического процесса безраздельно признавалась за реформой Петра Великого. В ней видели грандиозный исторический катаклизм, который за раз и подвел окончательные счета старой "московской" истории и могущественно предопределил весь дальнейший ход нашей исторической жизни. Вот почему рассмотрение сущности петровской реформы и оценка ее значения долгое время служили самой притягательной темой текущей исторической литературы, вот почему именно к разработке этой темы приурочивались наиболее поучительные обобщающие выводы относительно общего течения русской исторической жизни. Вопрос о реформе Петра быстро разрастался и усложнялся под пером исследователей. Вместе с тем с дальнейшим развитием этой литературы *нее* более стусевывались и тускнели в сознании общества и сам Петр как конкретное историческое лицо, и его реформа как реальный исторический факт. Имя первого русского императора приобретало чисто символический смысл. Что только не подкладывалось в разное время под это всеобъемлющее имя? Общеευропейская, даже общечеловеческая культура, торжество государственной идеи, могущественное значение науки и знания в народной жизни, просвещенный абсолютизм, революционная ломка исторических традиций, измена национальному духу, обезличение народности, разрыв государства и земли -- все это и многое другое - до пришествия антихриста включительно, - не раз покрывалось краткой и энергической формулой: Петр. Вот какие разнообразные элементы вплетались постепенно в существо петровского вопроса. Каждое поколение, каждая общественная группа вносила свою самостоятельную ноту в его обсуждение, оплодотворяя все новым и новым материалом его дальнейшую разработку. Правда, многие из прежних построений рухнули безвозвратно, когда при свете научного анализа исторических источников, столь долго лежавших под спудом в самый разгар полемики, перед нами отчетливее выступили очертания подлинной исторической фигуры Петра и яснее обозначился смысл совершенных им преобразований. Но эти позднейшие открытия, подорвав *научное значение* предшествующей литературы во многих ее выводах, нисколько не разрушили ее *исторического интереса*. История петровского вопроса важна и поучительна для нас не менее истории петровского царствования. Литература вопроса с необыкновенной эластичностью отразила на его различных постановках разнообразнейшие повороты общественной жизни, разнообразнейшие течения общественной мысли. Мы намерены предложить вниманию читателей краткий обзор различных факсов этого вопроса. В нашей литературе есть работа, посвященная тому же предмету, мы разумеем статью г. Шмурло "Петр Великий в русской литературе" {Журнал "Министерства" нар<одного> просвещ<ения>" на 1884 г. и отдельно.}. Сопоставив разновременные высказанные взгляды на реформу и ее значение, автор слишком скупно освещает те явления научной и общественной жизни, на почве которых эти взгляды выросли. Пользуясь отчасти материалом, собранным г. Шмурло, мы пытаемся восполнить указанный пробел его работы {Не можем не указать и на другую слабую сторону названной работы: собирая воедино различные суждения о петровской реформе, автор нигде не разграничивает субъективных настроений единичных личностей от типичных воззрений целых поколений или целых общественных групп. В дальнейшем изложении мы будем иметь дело только с последними.}.